

ФИЛОСОФИЯ

УДК101.1:316"312"+1:3;001.8:3

Н. С. Рыбаков

КОНТУРЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются методологические проблемы построения общей теории социальных технологий. В частности, обсуждаются хронологические рамки, сфера применения и смысл социальных технологий в условиях информационного общества. Обозначены типы онтологии и эпистемологии, лежащие в основе теории социальных технологий.

Ключевые слова: социальные технологии, созерцательность, активизм, глобализация, информационное общество, репрезентация, конструктивизм, ветвящиеся онтологии.

N. S. Rybakov

CONTOURS OF THE THEORY OF SOCIAL TECHNOLOGIES

The methodological problems of construction of general theory of social technologies come into a question in this article. In particular, chronological scopes, the usage and sense of social technologies in the information society are under review. The types of ontology and epistemology, upon which the theory of social technologies is based, are marked.

Key words: social technologies, contemplation, activism, globalization, information society, representation, constructivism, branching off ontology.

*Теория без опыта бессодержательна,
опыт без теории слеп.*

В ноябре 2010 года в Институте философии РАН состоялось обсуждение доклада проф. А. Л. Никифорова «О возможности построения теории социальных технологий» (Никифоров, 2010). В нём отмечается, что социальные технологии – новая для философии проблематика, нередко затянутая терминологическим и идеологическим туманом, но это не мешает поставить задачу создания общей теории социальных технологий по аналогии с общей теорией систем. Это должна быть некоторая целостная концепция, формулирующая основные понятия и прин-

ципы сферы социальных технологий, дающая их классификацию, очерчивающая возможности и границы их применения. При создании такой теории надо учесть и зарубежный опыт исследований в этой области.

Опираясь на идеи, изложенные в указанном докладе, на собственное видение данной проблемы, попробуем внести посильный вклад в её решение. Прежде всего отметим, что надо отчётливо понимать значение этой теории для практической деятельности, ибо теоретические концепты, как правило, детерминируют данную деятельность: её содержание, направленность, интенсивность. Важно и то, как понята сама эта деятельность, какие смыслы в неё вложены, на какие результаты она нацелена. Надо понимать и то, что изменение самой практики, опыта в значительной степени происходит под влиянием теории.

Актуальность темы социальных технологий в современных условиях возрастает по целому ряду причин. Это – и расширение возможностей человека по изменению не только окружающей природы, но и социального мира, в котором он живёт. Это – и возрастающая мощь науки и техники, достижения которых могут стать средством такого изменения. Это – и глобальное соперничество за построение более релевантной цивилизации, подчиняющей себе все остальные.

В мировоззренческом плане возрастание интереса к социальным технологиям возникает при вполне определённых условиях. Дело в том, что в истории человечества выделяются две стадии, которые характеризуются как созерцательность (пассивизм) и активизм. Они различаются отношением людей к окружающему миру и могут быть описаны как: а) приспособление и использование в своих целях естественных продуктов природы; б) стремление к активному преобразованию окружающего мира, приспособление его под свои нужды. «Не станем прогибаться под изменчивый мир – пусть этот мир прогнётся под нас» – поёт А. Макаревич со своей «Машиной времени», выражая тем самым типичную позицию активизма. Не будем сейчас уточнять исторические границы этих стадий – для нас более значимо то обстоятельство, что если вначале в сферу жизненных потребностей включался преимущественно природный мир, то постепенно в неё начал включаться и мир социальный, а также сам человек. Впрочем, наступление второй стадии обычно сопоставляется с эпохой Нового времени, появлением машинной, индустриальной цивилизации.

Сфера интересов и потребностей человека постепенно расширяется, его аппетиты, что называется, растут и от попыток установить господство над природой он постепенно переходит к достаточно активным попыткам установить господство над обществом, его социальными институтами и людьми. Активность человека – а именно с нею связано становление человека как субъекта – постоянно возрастает, изменяются её масштабы. Так, в начале XX в. В. И. Вернадский констатировал, что преобразующая деятельность человека становится соизмеримой с геологической активностью планеты, она превращается в планетарную силу. У него речь шла, прежде всего, о воздействии человека на природу. Но уже к середине XX в. планетарных масштабов достигает и социально-преобразующая деятельность человека: в частности, по миру прокатывается волна революций, приведшая к появлению системы социализма, человек пытается построить самое справедливое общество в масштабах всей планеты.

Количественный рост ведёт и к качественному изменению характера самой деятельности: если вначале человек исходит из природы действительности, её безусловной данности, эта деятельность носит естественный, стихийный характер, ориентируясь на сущее, как оно есть, – несмотря на то, что человек как существо разумное стремится действовать сообразно поставленным целям, это далеко не всегда у него получается и он нередко поступает спонтанно, – то со временем деятельность человека ориентируется на должное, на то, каким нечто должно быть. А это уже новый уровень отношения к действительности, на котором человек начинает не просто преобразовывать и подчинять себе наличный мир, но пытается конструировать его по заранее разработанному проекту, если таковой имеется, построить в соответствии со своими представлениями. Сфера его конструирующей деятельности расширяется: от неорганической природы и простейших физических процессов через природу органиче-

скую к экспериментам с обществом, в котором живет. Человек желает преобразовать социум так, чтобы подчинить себе социальные законы; его взоры обращаются и на себе подобных: а нельзя ли каким-либо образом не просто переделать человека, улучшив его природу, но сконструировать его по заранее разработанному проекту и что для этого необходимо? Стало быть, как в способах реализации, так и в содержании осуществляемой деятельности возрастает ее искусственная составляющая, которая все более и более расширяется, растет ее удельный вес.

Эти, довольно общие, рассуждения мы предприняли для того, чтобы ответить на вопрос о том, когда возникают социальные технологии? Дело в том, что в существующих изданиях, в том числе и в учебных пособиях, авторы пишут о том, что социальные технологии возникают чуть ли не в ранневосточных деспотиях, имеют место в Древнем Египте, существуют в античности, средневековье, не говоря уже о Новом времени. (Социальные технологии, 2010, разд. 1.1). Несмотря на убедительность приводимых иллюстраций, мы полагаем, что, во-первых, такой подход в проблеме возникновения социальных технологий в обществе является неоправданно расширительным, поскольку, во-вторых, он снимает саму проблему происхождения социальных технологий, констатируя, что социальные технологии имели место в истории человечества всегда, они лишь разнообразились от культуры к культуре и от эпохи к эпохе. В-третьих, он игнорирует необходимость учитывать качественные изменения самой человеческой истории, в частности, те две стадии – созерцательности и активизма, – о которых речь шла выше.

Впрочем, ситуация здесь складывается почти стереотипная, имеющая место как в спорах о возникновении науки, так и в дискуссиях о времени зарождения глобальных процессов на земном шаре. Хотя существуют убедительные свидетельства в пользу того, что классическая наука появляется именно в Новое время, тем не менее, некоторые исследователи ведут отсчет истории науки с древнейших цивилизаций, ничуть не смущаясь тем, что в классической интерпретации, какая складывается именно в Новое время, наук до этой эпохи не существовало. До эпохи Нового времени так называемые науки еще не обладали тем комплексом признаков, опираясь на который предшествующее этой эпохи знание можно было бы с уверенностью квалифицировать как научное. Потому здесь возникает ошибка презентизма, т. е. перенос признаков современной науки на далекое прошлое, а это ведет к неадекватным выводам.

Аналогично обстоит дело и с вопросом о времени возникновения глобальных процессов. Мне как-то довелось смотреть на эту тему передачу по каналу «Культура», где представители разных наук спорили о том, что такое глобализация, когда она возникла, в чём заключается и т. д. Одна из участниц передачи, профессор исторического факультета МГУ (к сожалению, фамилию я не запомнил), весьма азартно доказывала, что глобализация зарождается уже в античности, что там мы находим почти все её признаки.

Разумеется, исторический процесс – штука весьма сложная, многомерная, запутанная и даже витиеватая, здесь возможны всякие предположения. Но предположение предположению рознь. И когда мы говорим о всемирной истории, а ведь именно в ее контексте и развёртываются глобализационные процессы, то надо иметь в виду, что и сама всемирная история существовала не всегда, пройдя онтологически довольно сложный путь от локальных историй к их переплетению и через то – к складыванию всемирной истории, о закономерностях которой начал задумываться Маркс. Да и формироваться со всей отчётливостью она начала лишь в Новое время, поскольку именно с этого времени и вопрос-то методологически и концептуально об этом мог быть поставлен. Но и всемирная история как складывание единого исторического процесса ещё не означала возникновения глобальных процессов, она лишь создала условия и предпосылки для глобализации. Её первые признаки и, если угодно, контуры начали прорезаться, проступать только во второй половине XX в. Экономические, торговые, культурные, дипломатические и иные связи, интенсивно развёртывающиеся между странами за последние 150–200 лет готовили почву для глобализации, но они ещё не означали наступления глобализации, ибо суть последней заключается не только и не столько в установ-

лении многообразных связей и взаимоотношений между странами, которые ошибочно принимают за саму глобализацию.

Описывая глобальную экономику, М. Кастельс отмечает, что она «представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики... под мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру, и она существует на Западе по крайней мере с XVI в. **Глобальная экономика представляет собой нечто другое: это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты.** Капиталистический способ производства неустанно развивался, пытаясь преодолеть границы времени и пространства, но только в конце XX в. мировая экономика смогла стать по-настоящему глобальной на основе новой инфраструктуры, основанной на информационных и коммуникационных технологиях. Глобальность присутствует во всех основных процессах и элементах экономической системы» (Кастельс, 2000, с. 105).

Три важных момента можно извлечь из приведённых утверждений. Во-первых, глобальность присутствует не только в элементах экономической системы, но и во всех без исключения основных процессах и элементах социума как саморазвивающейся системы, иначе она перестала бы быть глобальностью. Глобальность потому и есть глобальность, что она охватывает и пронизывает собой все, без единого исключения, сферы бытия общества – от материально-производственной до духовной. Но степень её присутствия в них различна, как различна она и в разных регионах земного шара, стало быть, в разных странах. Во-вторых, глобализация означает, что постепенно все страны на планете втягиваются в единый темпоритм функционирования в режиме реального времени не только в сфере экономики, но и во всех других сферах, что экономические процессы здесь выступают лишь как затравочные, пусковые механизмы. В-третьих, глобализация начинается во второй половине XX века и опирается она на информационную базу и сопряжённые с нею коммуникационные технологии. Информационная база – это субстрат (возможно, даже субстанция) глобальных процессов, коммуникационные технологии – средства (орудия, инструментарий) глобализации. И потому высказывания о древнейшем, античном и даже средневековом этапах начала глобализации – всего лишь звучные, но некомпетентные фразы любителей от науки, не более.

В свете сказанного мы вплотную подошли к установлению первого, возможно, наиболее значимого контура теории социальных технологий – хронологического. Когда же возникают социальные технологии? В античности, средневековье или в Новое время? А может, вообще, в Древнем Египте? Увы, нет. И даже не в XIX веке – появление социальных технологий становится возможным не просто на стадии активизма, но лишь тогда, когда сам этот активизм оформляется как глобальная сила, то есть преобразуется качественно и становится уже другим активизмом, вырастающим из собственных параметров. Активизм, переходящий в стадию конструктивно-созидательной силы, становится базисом для возникновения социальных технологий. Это условие выполняется лишь тогда, когда на планете складывается, говоря словами Кастельса, новая инфраструктура и начинают разворачиваться глобальные процессы. В условиях утверждения всемирной истории активизм развивался, набирал силу, апробировал разные варианты изменения антропосоциальной реальности, но лишь с наступлением информационной эпохи со всей определенностью начинается преобразование этой реальности по разработанным проектам (моделям), сконструированным для достижения заранее поставленных целей. Ведь, скажем, великие утописты красочно описывали общества будущего, но почти никак не обозначали способы их достижения, построения и проч. Это и были именно утопии – места, которых нет на планете. Но уже в «Интернационале» поется, что «мы наш, мы новый мир построим», стало быть, человечество постепенно дорастает до осознания необходимости самостоятельного, своими руками, построения желаемого общества в здешнем, земном мире. Именно в этих условиях, повторяем, и возникает необходимость в социальных технологиях. Их нижняя временная граница – середина XX века, не ранее. Социальные технологии становятся особенно востребованными в условиях глобализации, когда

нужно действовать быстро, результативно, эффективно и, что очень важно, конструктивно и в режиме реального времени в больших масштабах. Потому информатизация, появление коммуникационных технологий, глобализация, становление сетевых структур, развитие си-нергетики, постмодернистская идеология – всё это сопряжённые вещи, звенья одной и той же многообъёмной цепи. Но заявляя это, мы поступаем несколько упреждающе, поскольку пред-варительно необходимо обозначить ещё целый ряд проблем в русле нашей статьи.

Перейдем теперь к выявлению второго контура строяемой теории. Помимо истори-ческих границ, т. е. попыток ответа на вопрос «когда возникают социальные технологии?» необходимо ответить еще на один вопрос, весьма тесно сопряженный с данным: «что пред-ставляют собой социальные технологии?». Ибо если мы не знаем, что это такое, то лишаются смысла и поиски наличия данного феномена в прошлом. Только точно зная, что представля-ют собой социальные технологии, можно попытаться найти следы их первого присутствия в далеком или не столь отдаленном прошлом. Таким образом, методологическое значение данного вопроса заключается в указании на предмет поиска, стало быть, ответ на него дает дополнительные возможности для уточнения самого хронологического контура.

Общее требование к построению любой теории – терминологическая ясность, потому надо начинать с определения понятия «социальная технология». Это важно и потому, что в главных понятиях очерчивается сам предмет теории.

«Термин **«технология»** происходит от греческих слов «*techne*» – искусство, мастерство, умение и «*logos*» – учение, наука. Первоначально его использовали в системе технического знания для обозначения научной дисциплины или совокупности сведений о различных фи-зико-механических, химических и других способах обработки сырья, полуфабрикатов и из-делий в сфере общественного производства. В последующем этот термин получил широкое распространение и в других сферах общественной жизни: политике, экономике, социальной и духовной сферах. Это, в свою очередь, и привело к появлению во второй половине XX ст. нового термина – «социальная технология», который ввел в научный оборот известный ан-глийский философ и социолог Карл Поппер.

Неоднозначность термина «технология» стала причиной того, что одни исследователи понимают под технологией науку о способах, процессах и методах многообразного получе-ния конечного результата; другие акцентируют внимание на организации и цели деятельности, а третьи считают, что технология – это использование научного знания для определения эффективных путей и способов выполнения какой-либо работы. В современной научной ли-тературе насчитывается свыше сорока определений этого понятия». (Сурмин, 2004, с. 12–13).

«Многозначность трактовки термина **«социальная технология»**, – продолжают на-званные авторы, – ещё больше, поскольку существуют различные определения категории «социальное». В узком смысле слова это понятие охватывает лишь те технологии, которые от-носятся исключительно к социальной сфере общества. Что касается социальных технологий в широком смысле слова, то к ним относятся не только собственно социальные технологии, но и экономические, политические, социокультурные, информационные, управленческие и др.» (Сурмин, 2004, с. 13).

Таким образом, технология – это учение о каком-либо мастерстве, умении, а также способах осуществления этого умения. Но ограниченная этим кругом значений, технология предстает лишь как частное, специфическое, узко предметное учение, а таковых может быть указано превеликое множество, ибо предметных областей реализации мастерства (обработка почвы, выращивание цыплят, сооружение мостов, роспись ногтей и проч.) не счесть. И по-тому неизбежен обобщающий шаг, предполагающий, что от видовых понятий (технологий) надо попытаться перейти к некоему более общему (родовому) понятию и создать более об-щую и унифицирующую теорию.

Все было бы довольно просто и бесппроблемно, если бы такая общая теория техноло-гий действительно появилась и нашла своё применение во всех сферах бытия. Однако со-циальное бытие (социальная реальность) отличается от природного бытия, потому в саму

теорию следует ввести *differentia specifica* с учётом этих различий. Оно должно отражаться уже в самом названии, различающем предметные области их приложимости. Одно дело – технологии вообще, другое – технологии, используемые в социуме. Это, во-первых, приводит к новому понятию «социальная технология», во-вторых, ставит перед необходимостью обсуждения вопроса о том, что есть социальное, какова природа социальной реальности. При этом следует избегать расширительного толкования понятия «технологии, используемые в социуме», поскольку субъектами почти что любых технологий выступают, в конечном счете, люди, которые живут и действуют в обществе, так что любую технологию в этой связи можно назвать социальной. Но, очевидно, химические способы обработки сырья отличаются от способов воздействия на сознание людей с целью коррекции их поведения во время массовых волнений. Подобно тому как отношение человека к природе не является общественным, хотя и «погружено» в определенный «эфир» социальности, так и технологии обработки почв или получения особо прочного бетона не являются социальными, хотя и разрабатываются людьми как социальными существами в определенных исторических условиях.

Существуют два основных (разумеется, это деление неполно) вида реальности – природная и социальная. К числу важнейших особенностей природной реальности относится то, что она безлична и бессубъектна: все процессы в ней происходят естественным путем вне присутствия человека как субъекта и как личности, равно как и без его участия. В такой реальности наличествуют лишь объекты. Социальная реальность представляет собой иное образование, ибо в ней наряду с объектами, в том числе и естественного происхождения, присутствуют также субъекты – люди как активно действующие существа. Социальная реальность есть субъектно-объектная реальность, но это не простая сумма составляющих частей, а новое качество реальности, делающее ее как надобъектной, так и надсубъектной – она выше и того, и другого, взятого по-отдельности. В такой реальности объективное преобразуется субъектом, стало быть, перестает существовать только вне сознания человека, оно входит в сознание последнего, образуя содержание его сознания. Со своей стороны, субъективное обусловлено объективным, подчинено ему. Потому социальная реальность фактически есть некий континуум «бытие-сознание», который оказывается качественно иным образованием по сравнению с природой, и который всякий раз выступает в определенных формах, что и называют типом общества.

Общество есть единство объектного и субъектного, оно не тождественно ни бытию отдельной личности, ни бытию всех личностей, вместе взятых, не тождественно оно и бытию природных объектов, ни природе в целом. Оно обладает по отношению к ним собственным субъектно-объектным бытием, которое определяет бытие отдельных личностей, а также влияет на бытие природы, втянутой в его собственное существование. Специфическим бытием социальной реальности как единства субъекта и объекта является бытие, оплодотворенное сознанием, названное в свое время Гегелем признанным бытием, бытием в признанности. «Общество есть такая качественная ступень, которая выше отдельных человеческих субъектов, не сводится к ним, не является их простой суммой и механической суммой. Оно обладает уже самостоятельным бытием, которое определяет собой и всякую личность, и все природное, что втянуто в его область.

Общественные закономерности надличны и надприродны. Они вполне специфичны» (Лосев, 1977, с. 6).

В свете обозначенных особенностей социальной реальности можно констатировать, что предметной областью применения теории социальных технологий является социальная реальность в целом, определяющая собой и личность, и природные проявления в рамках этой реальности. Стало быть, реальность как единство субъектного и объектного во всей полноте и запутанности их связей. Тем самым мы выявили второй контур теории социальных технологий, который может быть назван социетальным.

Исходя из сказанного, мы получаем возможность указать источник расширительных подходов к интерпретации теории социальных технологий, а также того идеологического и терминологического тумана, о котором говорит А. Л. Никифоров.

Этот туман возможно развеять, если учесть, что развитие общества есть исторический процесс, в котором А. Ф. Лосев выделяет: а) материальный слой бытия; б) слой общественного сознания, духа; в) слой историко-культурного развития, где реализуется связь материального и духовного. В силу этой структурности исторический, точнее, историко-культурный процесс может быть понят по-разному, т. е. возможно выделение разных его типов.

Это, во-первых, чисто объективный процесс, из которого выпадает субъект и всё социальное бытие редуцируется к чисто объектным характеристикам по аналогии с природой. Во-вторых, чисто субъективный процесс, в результате чего история сводится к истории сознания, нравов, желаний (очень часто – лишь крупных деятелей). Это, отмечает А. Ф. Лосев, есть тип субъективного самоуглубления. В-третьих, целостная специфически смысловая качественность, не сводимая ни на объект, ни на субъект, что даёт более высокое, новое видение исторического процесса в целом (Лосев, 1977, с. 7–9).

Когда в теории социальных технологий ее предметная область проецируется исключительно на материальный слой бытия со всеми его производственными атрибутами (производительные силы, человек с его орудиями производства, сам процесс производства, включающий разнообразные производственно-экономические отношения), на первый план выставляются технологии обработки материалов природы, для чего требуется знание их специфических свойств, а вместе с этим – развитие естествознания. В этом случае речь идёт об объектных технологиях.

Когда в теории социальных технологий её предметная область проецируется исключительно на слой общественного сознания, на его разнообразные формы (искусство, наука, религия, политическое сознание), то на первый план выходят технологии преобразования его различных состояний, изменения настроений и мнений масс, равно как и отдельных людей. Для этого разрабатываются и используются различные психотехники, гуманитарные практики, анализируются каналы коммуникации и разрабатывается соответствующий инструментарий, например, в виде СМИ, которые по наивности воображают себя четвертной властью, хотя на самом деле являются лишь средством в руках властей преобладающих. Не случайно они и называются «средства массовой информации», то есть инструменты и каналы, через которые на массы транслируются весьма дозированные и деформированные фрагменты информации, от фиксации которых до их семантики – дистанция огромного размера. В этом случае речь идёт о субъектных технологиях, которые чаще всего и принимаются за социальные технологии.

Когда в теории социальных технологий её предметная область охватывает объектную и субъектную стороны в их нераздельном единстве, цельности, новой качественности и полноте общественного бытия, когда эта цельность становится отправной точкой осмысления всех протекающих в социальной реальности процессов как материального, так и духовного порядка, равно как синтетических форм этих составляющих, именно в этом случае данная теория раскрывает свой объяснительный и предсказательный потенциал во всей мощи, именно здесь она работает как теория социальных технологий в максимальной адекватности и репрезентативности своего понятийного аппарата. Но именно здесь можно с полной уверенностью констатировать, что теория социальных технологий в данном ее понимании еще весьма далека не только от своего завершения, но даже и от создания – исследователи находятся лишь на подступах построения такого рода теории, сколь бы многообещающе ни звучали их заявления.

Но если социальная реальность – это новый тип реальности, обладающий цельностью, ни на что более не сводимый, оказывающийся выше материальной (объектной) и духовной (субъектной) составляющих, то в чем ее своеобразие? Ответить на этот вопрос пытаются многие исследователи, но до сих пор нет единой позиции. Дело в том, что этот новый тип реальности, или социальная реальность, может быть обозначен одним словом, хорошо всем, казалось бы, известным – социальность, а её исторические модификации обычно называют типами социальности. Какова природа социальности? Прежде всего, констатируем, что социальность обычно выражается термином «общественные отношения». Специфика общества

как самостоятельного образования заключается в наличии у него общественных отношений. Откуда и как они возникают?

Социальность генерируется в процессе совместной деятельности людей как субъектов (акторов) и представляет собой отношения, принадлежащие одновременно всем действующим субъектам и втягивающие их в процессы обмена самой деятельностью и ее результатами. Благодаря общественным отношениям и возникает та новая реальность, которую называют социальной. Особенностью общественных отношений оказывается то, что они являются отношениями между субъектами, то есть субъект-субъектными отношениями, в рамках которых всякий раз один субъект выступает не только субъектом, но и одновременно – для другого субъекта – объектом воздействия. Вот эта-то изначально двойственная природа общественных отношений, где каждый субъект, будучи субъектом-для-себя, всякий раз выступает в функции объекта-для-другого, и становится камнем преткновения на пути к выявлению их сущности, ибо уловить, описать и синтезировать в целостную картину диалектику проявлений в субъекте объекта и обратно, да еще суммировать их по огромному количеству одновременно взаимодействующих субъектов – задача необычайной сложности.

Природу социальности одни авторы усматривают в психике – связь между индивидами носит психический характер (П. Сорокин), другие – в духовности (С. Л. Франк), третьи – в Божественном провидении (разные религии), четвертые – в материальном производстве (К. Маркс), пятые – в коммуникации (Н. Луман), шестые – в «между» («zwischen») Я и Ты (М. Бубер), седьмые – в игре и т. д. Существование множества форм конкретных проявлений общественных отношений, обнаруживаемых различными авторами, порождает острые дискуссии меж ними и вместе с тем наводит на мысль о том, что общественные отношения имеют семантическую природу, что и обеспечивает саму возможность столь динамичных и разнообразных их воплощений. Иными словами, общественные отношения (т. е. социальность как таковая) заключают в себе некие смысловые коды (заряды смыслов), которые в зависимости от исторической ситуации и тем более от изобретательности исследователей могут репрезентированы самыми различными способами, а потому конкретных претендентов на роль субстрата социальности отыщется довольно много (См.: Рыбаков, 2011).

В свете обсуждаемой в настоящей статье проблемы возникает вопрос: как можно воздействовать на общественные отношения, как можно (и возможно ли) управлять ими? Иными словами, каковы те технологии в смысле «искусства, умения», с помощью которых можно было бы воздействовать на социальность? А. Л. Никифоров в цитируемой статье отмечает, что когда мы говорим о социальной технологии, мы имеем в виду технологию воздействия на людей, а не на материальные или биологические объекты и потому можно сказать, что социальная технология есть совокупность методов воздействия непосредственно на социальные группы, слои, на общество в целом. Это делает предмет обсуждаемой теории более четким (Никифоров, 2010).

Соглашаясь в целом с данными соображениями, подчеркнём, что для того, чтобы воздействовать на общественные отношения, надо знать, как они устроены, какие элементы, слои, внутренние зависимости здесь обнаруживаются. И поскольку общественные отношения образуют социальную реальность, т. е. общество в целом, то, оказывается, что для прояснения методологической позиции надо обратиться к устройству общества (социума) в самом широком смысле этого понятия.

Разумеется, в наши планы не входит давать здесь систематический обзор существующих точек зрения, однако, кое-что обозначить придётся. Речь идет об уровнях онтологии социума: а) деятельностном; б) социоструктурном; в) социосистемном.

Сама деятельность при ближайшем анализе предстает перед исследователем в трех ипостасях: а) как предметно-содержательная, или созидательно-вещественная, б) как нормативно-схематизирующая, или структуропорождающая; в) как универсально-целостная, или конституирующая воспроизведение социума в целом, социосистемная.

Социум по форме есть совместное бытие множества индивидов. По содержанию же он предстает как суперпозиция их деятельностей. Стало быть, как в процессе деятельности,

так и с точки зрения результатов их действий люди вступают в разнообразные отношения, благодаря чему меж ними возникает такая тотальная связь, из которой они уже не в состоянии выбраться.

Совместные действия индивидов дают результат, не совпадающий с намерением и волей каждого из акторов как субъектов действия. Вместе с тем этот результат соотнесен сразу со всеми участниками событий. Важно, что суммарный результат представляет собой некую объективную социальную структуру, в существовании которой «повязан» каждый из участников действий. К числу многообразных структур в социуме относятся экономическая, демографическая, классовая, урбанистическая, социально-классовая и др.

Эти структуры являются, во-первых, локальными, во-вторых, становятся условиями и факторами детерминации действий индивидов, в-третьих, оказываются центрами их активности. Тем самым структуры становятся носителями социальной среды, образуют пространство социальных действий.

Возникающие структуры надиндивидуальны и безличностны. Но и сами структуры переплетаются, срастаются, образуя единое целое – общество. Особенностью его функционирования является наложение а) действий индивидов и б) активности структур друг на друга, что создает не только источники напряжения внутри социума, но и приводит его к непрерывной естественной эволюции как крупномасштабного образования в целом (См.: Рыбаков, 1996).

В свете сказанного можно утверждать, что областью приложения теории социальных технологий оказываются а) индивиды и их действия, т. е. акторы исторического процесса, субъекты как носители общественных отношений, б) различные социальные структуры, социальные институты и учреждения, которые могут быть созданы или, наоборот, упразднены, причем цели воздействия на такого рода структуры могут быть как не осознаваемые, так и не афишируемы, в) социум в целом, его существование, переориентация исторического развития и т. д. Если, далее, учесть, что носителями общественных отношений выступают индивиды, кроме того, в буржуазном обществе посредниками в отношениях между людьми становятся вещи как произведенные товары и, наконец, в информационном обществе на роль такого посредника уже претендует информация, то открывается новый аспект использования теории социальных технологий с целью воздействия на людей: а) непосредственно влияя на самих индивидов, б) предлагая к выстраиванию отношений между людьми постоянно модифицирующиеся вещи (товары), причем, как отмечает Ж. Бодрийяр, в этом смысле предела совершенствования и модифицирования просто не существует, в) искусно предлагая информацию, дозируя, усекая, расставляя на соответствующих информационных блоках различные смысловые ударения, блокируя передачу важных сообщений и т. д. Потому в широком смысле слова возможности теории социальных технологий весьма значительны.

В самом деле, каковы возможности социальных технологий? Вот некоторые материалы из одной работы по социальным технологиям (См.: Шиян, 2010).

На уровне отдельной личности можно описать: а) сильные и слабые стороны типа личности, важные для выполнения данным человеком заданной деятельности; б) способ выполнения личностью заданной профессиональной деятельности; в) стиль лидерства для личности.

На уровне коммуникации между людьми позволяет описать: а) характерные черты проявлений отношений при коммуникации между личностями в разных средах; б) развитие отношений между личностями (например, при знакомстве, в молодой семье, с новыми родственными); в) отношения между личностями и разработать специальный регламент (протокол) для протекания процесса коммуникации.

В сфере управления, менеджмента и бизнеса: а) оптимизировать стиль управления для менеджеров (управления на производстве или управления людьми); б) разработать сценарии проведения переговоров с учетом специфических проявлений типов личности лиц, ведущих переговоры; в) подобрать личности, которые по типу реализуемого ими управления наиболее соответствуют данной профессиональной деятельности.

В сфере общества и управления социальными процессами: а) построить иерархические структуры для самоуправления на уровне села, города, региона, государства в целом; б) оптимизировать стратегию, тактику проведения избирательных кампаний; в) разработать программы и сценарии оптимального решения назревших социальных, экономических и политических задач на уровне села, города, региона (и государства в целом); г) разработать оптимальные способы управления как своей страной, так и другими странами для достижения поставленных целей.

Завершая данный блок обсуждаемых проблем, обратимся к ещё одному важному моменту. Дело в том, в существующих руководствах по социальным технологиям речь идёт о существовании и функционировании общества без учёта качественного изменения его бытия, хотя разговор об информационном обществе и информационных технологиях здесь, разумеется, присутствует. Современное общество – это не только общество, находящееся в стадии становления в качестве информационного, к настоящему моменту настала пора говорить и об этапах этого становления: одно дело формирование данного общества во второй половине XX в., другое – распространение и утверждение информационных технологий в начале XXI в., их, так сказать, резкий скачок, заключающийся как в распространении на все большее число сторон жизни человека от образования и медицины до уплаты налогов, от записи через Интернет на прием к врачу до электронного доступа к чиновнику, скажем, для решения вопроса об открытии предприятия малого бизнеса, это своего рода количественный аспект информатизации, но и в возрастании интенсивности и даже агрессивности этих технологий в жизни индивида, поскольку без обращения к ним само течение жизни становится чрезвычайно затруднительным, индивид выталкивается на обочину жизненного процесса, что значительно осложняет повседневное существование довольно большого числа людей. В этой связи можно говорить и о качественной стороне информатизации.

Многие же руководства по социальным технологиям продолжают иметь в виду классическую социальную онтологию, которая хорошо работает, когда речь идёт о так называемых традиционных обществах. Консервативным, или традиционным, обществом является такое, в котором изменения происходят столь медленно, незаметно, что фактически социальные структуры остаются константными на протяжении жизни многих поколений. Это – линейно изменяющиеся общества, где жизнь старшего поколения может служить образцом для поколений, только-только вступающих в самостоятельную гражданскую жизнь: здесь наглядно видны те заслуги и достижения, что уже проявились в старшем поколении, они же диктуют новым поколениям, что и как надо делать, чтобы достичь таких же результатов, заслуг. Но во второй половине XX в. наступают иные времена и социальная динамика становится настолько очевидной, изменения в обществе становятся весьма ощутимыми на протяжении жизни уже одного поколения, что и фиксируется в смене ценностей, жизненных целей, ориентаций молодых людей, для которых жизнь старшего поколения перестает быть образцом – начинаются новые, неведомые социальные дороги, в конце жизненного пути маячит не спокойная и обеспеченная старость, а нечто неопределенное, аморфное и тревожное. Это свидетельствует о том, что формируется новая социальная онтология, резко отличающаяся от стандартной, классической – нестандартная, нон-классическая, которая еще подлежит осмыслению и оценке, не говоря о том, что на настоящее время она едва ли может стать основой практического руководства к действию, но она уже заставляет с нею считаться. Нынешние поколения, включая среднее и старшее, в современных условиях вынуждены действовать по наитию, методом «тыка», ибо отложенные результаты их действий, которые можно было бы ассоциировать с жизненными целями, скрыты за социальным горизонтом.

В рамках традиционных обществ, в условиях социальной квазиконстантности социальные технологии в общем и целом не являются необходимыми, хотя это совсем не означает, что в таких обществах власти не воздействуют на поведение людей. Во-первых, в силу неспешного, эволюционного течения событий воздействия могут восприниматься как нечто естественное, самой собой разумеющееся. Во-вторых, в таких обществах роль воздействующего фактора играют обычаи, традиции, установленные нормы.

Во второй половине XX в. формируется нон-классическая (постнеклассическая) социальная реальность, характерным признаком которой становится ее необычайный динамизм. Для обозначения этой реальности З. Бауман использовал термин «текущая современность» и сопоставил твердую, соответствующую индустриальной эпохе, реальность с текучей, легкой, отвечающей эпохе постмодерна, констатируя: «Мы являемся свидетелями реванша кочевого образа жизни над принципом территориальности и оседлости» (Бауман, 2008, с. 20).

Твердой реальности в плане методологии отвечает позиция единения, связывания, монистического представления о происходящем. Для текучей же, легкой реальности одной-единственной интерпретации уже недостаточно, равно как недостаточно одной-единственной истины. Начинается эпоха плюрализма, принципиальной множественности, которая вытесняет единое, загоняя сначала его в фоновое существование, а затем и вовсе пытается избавиться от любого упоминания о нём.

Твердая реальность, для которой характерны фундаментальное укоренение человека и результатов его деятельности в бытии, по мере продвижения общества по пути индустриализма и перехода к постиндустриализму размягчается, расплавляется, становится текучей. Смысл текучести в том, что рано или поздно интенсивность и темпоритмы человеческой деятельности начинают опережать её собственное предметное воплощение, так что если прежде цель сопрягалась с достижением определённого результата, выраженного в форме предметности, теперь именно процесс деятельности начинает сливаться с целью, причём расхождение между целью и желаемым результатом в этой ситуации не просто увеличивается, но на определенном этапе становится и вовсе излишним в силу ухода результата за горизонт видимого бытия, в бесконечность.

И если прежде критерием истины оказывалось сопряжение усилий человека с результатом, то когда на первый план выходит все ускоряющаяся деятельность и акценты переносятся на неё, предметный результат оказывается вторичным по отношению к деятельности. Промежуточный результат, как переход изменения в свою противоположность, образует фрагмент самой деятельности, он представляет некое инаковое, относительно фиксированное состояние деятельности, которое в следующий момент сменится другим. Потому данный результат становится представителем (репрезентантом) деятельности и стоящего за ним субъекта. Возникает мозаичная, множественная, ветвящаяся онтология, в рамках которой доминирующей эпистемологической позицией становится позиция репрезентации, которая, в свою очередь, реализуется в качестве универсального механизма формирования плюралистического миропонимания. Именно в этих условиях наступает эпоха бурного развития и массового использования социальных технологий, общее назначение которых заключается в состыковке и сопоставлении мозаичных множественных фрагментов социального бытия, в подгонке их во времени, в сведении гетерономных событий к некоему единому темпоритму.

Репрезентация с наибольшей вероятностью появляется в условиях плюралистического понимания мира, в условиях полионтичного мира, в котором множественность имеет не столько эмпирическое обналичивание, что было характерно для прагматизма, но имманентное укоренение, органическую внедренность. Однако репрезентациями дело не исчерпывается: в своей предельной функциональности они лежат в основе тотального представительства, тотальной способности объектов и субъектов представлять друг друга через друг друга. Это чревато, во-первых, полнейшим хаосом, во-вторых, постоянными трансформациями, протекающими из-за внутреннего динамизма такой реальности. Но там, где на поверхности бытия начинает доминировать трансформация, позиция субъекта в отношении к миру радикально меняется: субъект перестает быть ведомым, как в случае с отражением и даже репрезентацией – он оказывается в ситуации ведущего, что заставляет его вплотную заняться спонтанным конструированием. Тем самым конструктивизм оказывается не только логическим продолжением, но и своего рода завершением цепочки «отражение–репрезентация–трансформация», причем именно конструктивизм становится в настоящее время брендом текучей реальности.

Конструктивизм, базирующийся на полионтичной репрезентации, даёт необычную картину деятельности субъекта, которая может быть названа ризоматичной, а продукт деятельности в одинаковой мере может оказаться как оригинальным, подлинным, так и симулякром, двойником. Грань между ними становится довольно условной и прозрачной. В социальном бытии наступает господство симулякров, иными словами, царство двойников, заменителей, подделок, фальсифицированных товаров, отношений, субъектов, вплоть до межгосударственного уровня. Неслучайно статистика говорит, что на российском рынке сейчас примерно 40% товаров являются подделками, то есть фальсификатами, или симулякрами, причем, самыми безобидными здесь оказываются фальсификаты обуви, одежды, косметики с этикетками подлинных производителей. Фальсификации подвергается и сам процесс деятельности, когда становится трудно отличить подлинную деятельность от ее имитации, поскольку в обоих случаях фиксируется проявление активности субъекта, что особенно распространено в современном шоу-бизнесе.

Расширение сферы конструктивизма означает не только возможность, но и реальное конструирование субъектами почти любого продукта, отношения и взаимодействия, любой ситуации. В этих условиях доминирующим становится контекстное («зафасадное») видение мира, которое изначально оказывается плюралистичным, многосмысловым, что и порождает различные наборы базисных ценностей и конвенций, задающих векторы понимания и интерпретации события. Можно полагать, что именно контекстный, постнеклассический контур построения теории социальных технологий оказывается наиболее важным, решающим, придающим современный облик этой теории и стимулирующий её дальнейшее развитие.

В основу общей теории социальных технологий А. Л. Никифоров предлагает положить хорошо известное в философии понятие деятельности. Принимая, что всякая технология есть деятельность, он считает, что в этом случае в самой технологии можно выделить объект (предмет) воздействия; субъект технологии; цели, которые ставятся субъектами; средства технологического воздействия и результат применения технологий. Эти элементы, по его мнению, могут быть использованы и для классификации социальных технологий, что является важной и сложной проблемой для построения теории (Никифоров, 2010).

Соглашаясь в целом с данным предложением, тем не менее, заметим, что, во-первых, не всякая деятельность есть технология, стало быть, мы возвращаемся к вопросу о специфических видовых особенностях технологии, выделяющих последнюю из обширной сферы категории деятельности. О сложности определения понятия «технология» мы уже говорили выше. Во-вторых, уже в советский период в рамках марксистской философии существовали разногласия относительно статуса категории деятельности. Если одни философы считали, что эта категория имеет универсальный характер и может быть положена в основу понимания как общества в целом, так и разных сфер бытия социума, как человека, так и его психики, сознания, а также познания и т. д., то другие утверждали, что деятельность не имеет столь широкого значения, что существуют сферы жизни человека и общества, которые не могут быть раскрыты в рамках деятельностного подхода (См.: Чусовитин, 2000). В свете сказанного, очевидно, следует еще и еще раз уточнить, на какой основе должна строиться общая теория социальных технологий. Во всяком случае, ясно, что категория деятельности здесь не может быть проигнорирована или «задвинута» на второй, но корректное с ней обращение позволит придать самой теории более конструктивный вид.

Подводя итог сказанному, констатируем, что разработка теории социальных технологий предполагает выяснение ее онтологии и эпистемологии, семантики и прагматики, логики и аксиологии, этики и эстетики. На базе этих концептуализаций следует говорить о допустимом и непозволительном в социальных технологиях, о пределах и возможностях их применения, тем более, что в современных условиях так соблазнительно влиять на поведение людей и иных социальных субъектов любой ценой, не поскупиться на различные средства, чтобы достичь самых фантастических целей...

В целом теория социальных технологий представляется как трансдисциплинарная теория, реализующая универсальный и вместе с тем многоликий концептуальный аппарат в процессе анализа различных социальных областей, коих сейчас обнаруживается превеликое множество, включая и виртуалистику.

Последний и весьма фундаментальный вопрос, который ставит А. Л. Никифоров в своих тезисах, звучит так: «стоит ли работать над этой темой и с какой степенью серьезности? Ведь надо понимать, что эффективные социальные технологии порой могут быть страшнее атомной бомбы. XX век дал тому немало примеров». И с этим нельзя не согласиться.

Литература

1. Бауман З., 2008. Текучая современность. СПб.: Питер.
2. Кастельс М., 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ.
3. Лосев А. Ф., 1977. Античная философия истории. М. : Наука.
4. Никифоров А. Л. О возможности построения теории социальных технологий // http://iph.ras.ru/archives_2010.htm. (Дата обращения: 30.10.2010).
5. Рыбаков Н. С., 1996. Уровни онтологии социума // Народы содружества независимых государств на пороге третьего тысячелетия: реалии и перспективы: Тезисы международного научного конгресса: Т. I. СПб.
6. Рыбаков Н. С., 2011. Трансформации социального // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы Международной научно-практической конференции. Казань: Казанский университет.
7. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень. 2010. Под ред. Я. А. Маргуляна. СПб. : Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
8. Сурмин Ю. П., Туленков Н. В., 2004. Теория социальных технологий : Учеб. пособие. К.: МАУП.
9. Шиян А. А. Руководство по Социальным Технологиям // <http://nashol.com/2011070357071/rukovodstvo-po-socialnim-tehnologiyam-shiyan-a-a.html> (Дата обращения: 5.11.2010)
10. Чусовитин А. Г., 2000. Концепция деятельности (онтологический и методологический аспекты) // Полигнозис, 4(12). Электронный доступ: <http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=423>